

А. Е. Куланов

«Епископ Николай Японский был единственным русским, не покинувшим Страну восходящего солнца во время войны 1904–1905 гг.» – это клише стало классикой литературы о российско-японских отношениях начала XX в. Между тем, оно вряд ли имеет на это право, ибо не является истинным. Николай Японский не был единственным нашим соотечественником в Токио в те тяжелые дни, и сам он прямо упоминал об этом в своих дневниках. Рядом с ним находились те, чьи судьбы до сих пор остаются в тени научных исследований, невзирая на сыгранную ими важную роль в двусторонних отношениях. Речь идет о русских семинаристах¹.

Хотя о самом факте подготовки в Токийской православной семинарии профессиональных переводчиков-японистов было известно давно, эта тема до сих пор не привлекала пристального внимания историков. Исключением стали работы исследователя из Москвы А. Н. Хохлова², многочисленные упоминания о семинарском прошлом в биографии одного из учеников – Василия Ощепкова, а также в материалах, посвященных истории дзюдо в России, наполненных массой неподтвержденных подробностей и грубым вымыслом. Несколько лет назад С. И. Кузнецов из Иркутского государственного университета придал, казалось бы, новый импульс исследованиям в этой области, опубликовав уникальные документы, найденные им в архивах разведки Заамурского округа пограничной стражи (г. Харбин). Это были переведенные на русский язык статьи из японских газет и журналов, рассказывающих о «русских мальчиках», и комментарии к ним сотрудников русской разведки³. Однако и после этого «русские мальчики» по-прежнему остаются на периферии историко-японоведческих изысканий, время от времени фигурируя лишь на страницах разного рода «патриотических» сайтов, где служат невинной иллюстрацией былого могущества царской России. Между

тем, изучение данного вопроса могло бы представлять интерес для историков широкого профиля. Выполненное в максимально полном объеме, оно бы значительно расширило общепринятые представления о событиях тех лет на Дальнем Востоке, помогло бы воссоздать более четкую и всестороннюю картину азиатской политики России и Советского государства, понять образ жизни и устремления людей на наших самых дальних рубежах, развенчать устоявшиеся мифы.

Опуская историю возникновения Токийской православной семинарии и роль в ее создании архиепископа Николая Японского (об этом написано достаточно много), стоит перейти непосредственно к истории появления в ней русских учеников. Условно ее можно разделить на три хронологических этапа: 1902–1906, 1906–1913, 1913–1919 годы. Что касается первого этапа, то он начинается в феврале 1902 г. с обращения Главного начальника Квантунской области и будущего наместника императора России на Дальнем Востоке, вице-адмирала Е. И. Алексеева к главе русской духовной миссии в Токио епископу Николаю с просьбой принять в семинарию двух мальчиков для подготовки из них переводчиков японского языка. Владыка Николай согласился, поставив при этом условия, которым следовал и в дальнейшем: семинаристы должны были быть не моложе 14 лет, постоянно находиться среди одноклассников-японцев, одеваться в японскую одежду и питаться японской пищей, т. е. вести образ жизни, обычный для семинарии. Военное ведомство должно было возместить невысокую стоимость содержания русских воспитанников⁴. Стороны быстро сговорились, и в августе 1902 г. в Токио прибыли двое русских, которые вскоре разделили с Преосвященным тяготы пребывания во вражеском стане. В воскресенье 25 января (по старому стилю) 1904 г. глава миссии записал: «Здесь в Семинарии учатся японскому языку два русских мальчика из Порт-Артура, чтобы быть потом переводчиками. Приходили спрашивать: “Им уезжать или оставаться?”». Но куда же уезжать? В Порт-Артур теперь и попасть трудно. Притом, к кому им там? У одного (Легасова) родителей совсем нет – убиты были в Китайскую войну, а дядя уехал, кажется, в Россию; у другого (Романовского) родители вернулись в Россию. Оба они казачата. Они и сами больше склонны к тому, чтоб остаться и продолжать занятия. Конечно, им трудно будет. Сказал им терпеть и молчать, по пословице: “терпи, казак, атаманом будешь”»; улыбнулись и ушли»⁵.

Нельзя не отметить в связи с этим, что владыка Николай, очевидно, испытывал к первым своим русским ученикам искреннюю симпатию. В самом конце войны, когда в Японии находились десятки тысяч русских военнопленных, «казачата» по заданию главы миссии помогали

¹ Г. Д. Иванова в своей книге «Русские в Японии XIX – начале XX в.» (М., 1993) сообщила еще о двух спутниках архиепископа в годы войны: бывшем настоятеле посольской церкви С. Глебова и дьяконе Львовском. Однако дневники Св. Николая полностью опровергают эту версию.

² Хохлов А. Н. Подготовка русских переводчиков-японистов в Японии и деятельность И. Д. Касаткина (вторая половина XIX в. – начало XX в.). – Восток. 1994; Роль Токийской православной семинарии в подготовке переводчиков-японистов. – Православие на Дальнем Востоке, выпуск 2, СПб, 1996.

³ <http://ru-jp.org/kuznetsov03.htm>

⁴ Россия. 1908.31 декабря, № 953.

⁵ Дневники Святого Николая Японского. Т. V, СПб, 2004, с. 11.

им в переводах, а владыка Николай отмечал их успехи в языке: «На экзамене в 3-ем классе Семинарии по Гражданской Истории; 32 ученика и два русских. Класс хороший, много способных; отвечали хорошо почти все. Русские – Романовский и Легасов идут наравне с японцами; то же самое выучили и почти так же складно говорят, как они»⁶. Окончив затянувшееся и наполненное чрезвычайными обстоятельствами обучение семинаристы уехали к местам службы, и здесь снова стоит процитировать их Учителя, оставившего подробную запись об этом событии: «14/27 июня 1906. Среда. Утром отправлены во Владивосток, чрез Цуруга, из Семинарии воспитанники Феодор Легасов и Андрей Романовский, которых в 1902 г. прислал сюда из Порт-Артура 14-тилетними мальчиками, чтобы научиться японскому языку и сделаться переводчиками, Адмирал Евг. Ив. Алексеев. Они стали говорить по-японски совершенно как японцы; изучили и письменный язык до чтения газет и нетрудных книг; кроме того, со здешними семинаристами получали общее образование. По сношении моем с Генералом Ник. Ив. Гродековым, командующим войсками на Дальнем Востоке, они назначены переводчиками, один к штабу в Харбине; другой в Хабаровск. Присланы они сюда на два-три года, но пробыли четыре; хотел я довести их до окончания семинарского курса, но им уже наскучило здесь, хотя товарищи были с ними очень хорошо, даже и во время войны обращались с ними деликатно. Жили они здесь в школе совсем по-японски – в японском платье, на японской пище, и были всегда здоровы»⁷.

В дальнейшем владыка Николай еще раз вспомнил добрым словом Романовского и Легасова. Первый из них стал военным переводчиком, а второй – гражданским, но, к сожалению, больше никаких данных о судьбе этих людей у нас пока нет. На смену им в семинарию отправились целые группы будущих драгоманов, необходимость которых со всей очевидностью показала русскому командованию проигранная война. Сначала через военного агента (атташе) в Японии полковника В. К. Самойлова командование Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи, а также некоторых других соединений русской армии, обратилось к главе православной миссии принять новые группы учеников – всего 26 человек. Владыка Николай дал согласие на обучение 10 человек, и, по данным А. Н. Хохлова, в августе-декабре 1907 г. в Токио приехали 11 русских подростков⁸. Правда, в дневниках владыки Николая называется другой год начала обучения – 1906⁹. Учитывая, что курс подготовки переводчиков в семинарии был шестигодичным, а

⁶ Там же, с. 170 (запись от 8/21 декабря 1904 г.).

⁷ Там же, с. 332–333.

⁸ Хохлов А. Н. Роль Токийской православной семинарии в подготовке переводчиков-японистов. – Православие на Дальнем Востоке. СПб, Выпуск 2, 1996, с. 70.

⁹ Запись от 18 июня – 1 июля 1908. Дневники Святого Николая Японского. Т.V. СПб, 2004, с. 402.

год выпуска части из них известен точно – 1912, последний вариант выглядит вполне логичным. Более того, приводимый С. И. Кузнецовым перевод статьи «Как Япония показала русским мальчикам» из газеты «Тюо симбун» датирован 17 декабря 1906 г., а не 1907 г. Заметим, однако, что после отъезда Романовского и Легасова и до 1908 г. архиепископ Николай о русских семинаристах вообще не упоминает, а дневниковые записи за 1907 г. удивительно скудны.

Численность и состав русских учеников Токийской православной семинарии в бытность, когда главою миссии был св. Николай, до сих пор остаются одной из главных загадок – ни в одном из известных документов не содержится исчерпывающей информации на эту тему. Опубликованные С. И. Кузнецовым японские документы дают нам имена первого десятка. Внимательное чтение дневников владыки Николая показывает, что порою в семинарии одновременно училось до 18 русских юношей (декабрь 1910 г.), и далеко не все они содержались за счет военного ведомства. Не все смогли выдержать, судя по всему, довольно напряженное как в психологическом, так и в интеллектуальном отношении, обучение в семинарии. Об этом свидетельствует беспрецедентный процент (почти половина!) отчисленных по разным причинам¹⁰. Анализируя всю имеющуюся и очень разрозненную информацию, мы составили сводную таблицу полученных на известных нам русских учеников данных:

Как видно из таблицы, русские семинаристы, будучи примерно ровесниками, имели разные судьбы – об одних неизвестно практически ничего, даже год рождения и время обучения в семинарии, о других мы знаем немало. Естественно, основным источником информации о них после гибели во время Кантонского землетрясения 1 сентября 1923 г. миссийского архива остаются дневники св. Николая. Разбирая их, сложно отделаться от ощущения, что после возвращения на родину Легасова и Романовского архиепископ не испытывал к русским ученикам особой любви и был к ним, что называется, «строг, но справедлив». Причин такого сдержанно-сурового отношения было несколько. Во-первых, несмотря на то, что он знал, что семинария готовит из русских юношей переводчиков для нужд армии, владыка Николай подчеркивал, что главная задача семинарии заключается совсем в другом: «...Еще просьба принять ученика в Семинарию: Харбинский Генеральный консул ходатайствует за него. Отбою нет. Совсем надоели. Тотчас же послал отказ с указанием, что здешняя Семинария имеет специальное назначение – готовит служителей для Японской Церкви, и что большое количество русских учеников в ней может мешать исполнению этого назначения»¹¹.

¹⁰ Условия обучения в семинарии и разного рода инциденты, происходившие с русскими учениками, могут стать темой отдельного исследования.

¹¹ Запись от 29 августа/11 сентября 1909. Суббота// Дневники Святого Николая Японского. Т.V. СПб, 2004, с. 570.

№ п/п	Фамилия, имя и отчество	Даты жизни	Время обучения в семинарии
1.	Романовский Андрей	? ?	1902 – 1906
2.	Федор Легасов	? ?	1902 – 1906
3.	Айсбреренер Александр	1891 (?) – ?	1906–1908 (отчислен)
4.	Волков Александр	? ?	1906 – 1912
5.	Журавлев Гавриил Николаевич	1893 – ?	1908 – ?
6.	Зембатов Владимир	1889 (?) – ?	1906–1908 (отчислен)
7.	Кузнецов Павел	– ? ?	? – 1910 (отчислен)
8.	Незнайко Исидор Яковлевич	13.05.1893 – 28.05.1968	1906 – 1912
9.	Ощепков Василий Сергеевич	25.12.1892 – 10.10.1937	1907 – 1913
10.	Плешаков (Персяков) Владимир Дмитриевич	1892–14(10?).10.1937	1906 – 1912
11.	Плешаков (младший)	? -?	? -?
12.	Попилев (Попелев) Трофим	1892 (?) – ?	1906 – 1912
13.	Попов Иван	? – ?	1907 – 1910 (отчислен)
14.	Родионов Емельян	? – ?	1906 – 1910 (отчислен)
15.	Сазонов Дмитрий	? – ?	? – ?
16.	Скажутин П.С.	? – ?	? – ?
17.	Сокольский Михаил	? – ?	? – 1911 (отчислен)
18.	Шишлов Иосиф	1892 (?) – ?	1906 – 1908 (отчислен)
19.	Юркевич Трофим Степанович	1891 – 10.07.1938	1906 – 1910
20.	Юркевич Федор Степанович	1893 (?) – ?	1906–1907 (отчислен)

Во-вторых, часть учеников покинула Токио за поведение, несовместимое со статусом ученика православной семинарии, и О. Николай

осознавал, что каждый такой случай – удар по престижу Русской церкви в целом. Вот две характерные записи: «Ректор Семинарии И. А. Сенума и два главных наставника – кандидаты Арсений Ивасава и Марк Сайкайси – пришли коллективно просить удалить из Семинарии двух русских учеников из Харбина: Иосифа Шишлова и Александра Айсбреренера – за слишком дурное поведение: начинают ходить по непотребным домам. Все японские ученики возмущены этим и собираются все ко мне прийти требовать исключения их, если я не послушаюсь ректора и наставников. Нечего делать! Шишлов и Айсбреренер отосланы в Иокохаму к военному агенту Владимиру Константиновичу Самойлову, полковнику, для препровождения их в Харбин. Генералу Чичагову я написал, впрочем, что назначение, с которым присланы сюда эти ученики, наполовину исполнено: они могут служить толмачами для устных переводов с японцами»¹². И далее: «Русских учеников ныне в Семинарии 13; и все ведут себя добропорядочно и учатся хорошо, кроме одного – Михаила Сокольского, с которым нет средств сладить: ничего не делает и постоянно нарушает школьные правила; а назначат наказание – не обращает на это внимания; сколько не уговаривай – к стенке горох; над всем смеется, в глаза лжет; называет школу адом, клянет своего дядю, ротмистра, который четыре года назад определил его сюда. Как ни жаль его и его матери и бабки, но, кажется, придется послушать Ивана Акимовича Сенума, который больше всех терпит от него, и отослать его в Харбин»¹³. Подобным же образом (за непослушание, нежелание учиться или нарушение правил семинарии) были отчислены Емельян Родионов, Владимир Зембатов, Иван Попов, Павел Кузнецов. Младший из братьев Юркевичей – Федор – оставил семинарию «по неспособности к обучению». Все уволенные семинаристы получили проездные документы и деньги на дорогу до города, откуда они прибыли когда-то на учебу, и должны были отправиться на родину под контролем представителей военного ведомства (Федора Юркевича забрал домой приехавший за ним с Сахалина отец, и его дальнейшая судьба неизвестна)¹⁴.

В-третьих, и эта претензия встречается чаще всего, глава миссии был недоволен успехами русских юношей в изучении японского языка и винил в этом приславшее их в Токио командование: «В 8 часов мы с Преосвященным Сергием пошли в Семинарию на экзамен... Экзаменовались 13 учеников русских по японскому языку, причем был Дмитрий Матвеевич Позднеев и О. Петр Булгаков; первый интересовался

¹² Запись от 15/28 января 1908. Вторник// Дневники Святого Николая Японского. Т.V. СПб, 2004, с. 351.

¹³ Запись от 10/23 марта 1911. Четверг// Дневники Святого Николая Японского. Т.V. СПб, 2004, с. 744.

¹⁴ Россия. 1908. 31 декабря, №953.

успехами их по поводу готовимой им брошюры о необходимости знакомства с японским языком у русских; успехи оказались плохими – подбор учеников совсем плохой. Военное начальство в Харбине и Хабаровске хочет приобрести переводчиков, даже и тратится на это, а чтобы прислать способных учеников – не подумало об этом»¹⁵. Несмотря на то, что подобные пассажи попадают в дневниках еще не раз, именно этот фрагмент интересен обилием важных дополнительных сведений. Упоминается точное количество учеников на тот момент: 13 человек. На экзаменах присутствовали два особенно частых гостя семинарии: крупнейший востоковед того времени, будущий ректор Восточного института во Владивостоке и сам выпускник духовной академии, работавший на русскую разведку Д. М. Позднеев¹⁶ и его родственник, помогавший в подготовке японских разведчиков¹⁷ священник посольской церкви в Токио протоиерей Петр Булгаков (родной дядя знаменитого писателя). Под «брошюрой», возможно, имеется в виду «Грамматика разговорного японского языка», вышедшая в 1911 г. Наконец, несколько позже упоминается, что в тот день к проверяющим присоединились семеро японцев – учителей семинарии. Набор этих малозначительных, на первый взгляд, данных позволяет датировать одну из самых известных фотографий учеников семинарии, на которой запечатлены 49 человек, в том числе архиепископ Николай Японский, митрополит Сергей (Тихомиров), протоиерей Петр Булгаков, Д. М. Позднеев, ректор семинарии И. А. Сэнума¹⁸, японские преподаватели, семинаристы-японцы и те самые 13 русских слушателей. Двоих из русских учеников мы знаем в лицо: Исидор Незнайко легко опознается по другим сохранившимся фотографиям очень хорошего качества, а для установления личности Василия Ощепкова специалистами Министерства обороны РФ была проведена судебно-медицинская портретная экспертиза. Еще двое – Владимир Плешаков и Трофим Юркевич пока находятся, что называется, под вопросом. И даже суровым лицам русских наставников на этом фото теперь можно дать объяснение: ученики отвечали плохо, да к тому же весь день шел дождь.

Впрочем, не все русские ученики и далеко не всегда отвечали плохо. Архиепископ не раз упоминает и об успехах ребят (особенно почему-то по японской географии), в том числе в присутствии высоких гостей

¹⁵ Запись от 16/28 июня 1908 г. // Дневники Святого Николая Японского. Т.V. СПб, 2004, с. 400.

¹⁶ Шулатов Я.А. Разведка и японоведы: становление осведомительной службы... – История и культура традиционной Японии 3. М., 2010, с. 319.

¹⁷ Баконина С. Н. Харбинская епархия в период распространения советского влияния в Китае (1923–1924 гг.). – Вестник ПСТГУ. История Русской Православной Церкви, 2008, вып. 2.-4(29), с. 92.

¹⁸ Иван Акимович Сэнума (Кавамото Какусабуро; 1868–1933) – ректор семинарии, переводчик и ближайший помощник архиепископа Николая.

«...Приехал Николай Андреевич (посол России в Японии Н. А. Малевский-Малевич – А. К.) вместе с сыном, лицеистом; экзаменовал в Семинарии русских по Японской Географии и хвалил ответы...»¹⁹. О некоторых же учениках мы вообще сегодня знаем только благодаря тому, что когда-то их ответы на экзаменах поразили св. Николая: «Был на экзамене в Семинарии в младшем классе, где 24 учащихся, по Священной Истории Ветхого Завета. Отвечали хорошо. Из русских младшие 5 учились с ними; отвечали плоховато, кроме младшего Плешакова»²⁰ или: «Утром экзаменовал 2-й класс Семинарии, 12 человек, по Священной Истории; все отвечали хорошо. Экзаменовались с ними и двое русских, из которых Скажугин так хорошо и таким правильным языком отвечал по-японски, что если не смотреть на него, а только слушать – не узнаешь, что говорит не японец»²¹.

Таким образом, вопрос об уровне японского языка у русских семинаристов остается до конца невыясненным. Да, налицо недовольство архиепископа Николая. Но не является ли оно следствием изначально завышенных требований этого выдающегося человека, который блестяще владел японским языком? Вот еще одна запись из его дневника: «...Успехи их в изучении японского языка – для чего и живут здесь – не блестящи: и способностями они не отличаются, и вечно болтают между собою по-русски, что значительно мешает усвоению японского языка»²². С одной стороны, претензия вроде бы обоснована, а с другой – можно ли представить сегодня студентов, например, ИСАА при МГУ, разговаривающих между собой исключительно по-японски? Да и сам о. Николай отмечал, что, например, упоминавшиеся здесь Айсбрер и Шишлов, отчисленные на втором году обучения, «могут служить толмачами для устных переводов с японцами». Это ли не свидетельство высокого уровня интенсивности обучения в семинарии и соответствующего владения японским языком ее выпускниками? О возможной строгости архиепископа косвенно свидетельствует следующий факт. В 1909 г. Токио посетил А. Н. Вентцель (Венцель) – товарищ (заместитель) председателя правления КВЖД и остался вполне удовлетворен уровнем японского языка у русских семинаристов: «...Дети эти живут и учатся среди японских мальчиков, что способствует более быстрому усвоению ими на практике изучаемого языка. Преосвященный Николай очень доволен успехами юных замурцев и ожидает, что из них со

¹⁹ Запись от 15 июня/2 июля 1910 г. – Дневники Святого Николая Японского. Т.V. СПб, 2004, с. 664.

²⁰ Там же. Запись от 8/21 декабря 1910 г., с. 714. Личность «младшего Плешакова» остается загадкой. Никаких других упоминаний об этом человеке нет, а в следственном деле Владимира Плешакова по состоянию на 1937 г. младшие братья у него не значатся.

²¹ Там же. Запись от 15/28 июня 1911 г., с. 774.

²² Там же. Запись от 21 мая/3 июня 1910 г., с. 664.

временем выработаются весьма полезные для службы на Дальнем Востоке работники»²³.

С одной стороны, известна нелестная характеристика этого уровня, данная известным японоведом Е. Г. Спальвиным: «Меньше всего владеют японским языком воспитанники духовной семинарии архиеп. Николая, но, как бы то ни было, этими людьми положено очень много труда на передачу русских литературных произведений...»²⁴. С другой стороны, далее речь идет о выпускниках-японцах, так что в высказывании Спальвина налицо некоторая нелогичность и, весьма вероятно, предвзятость. Не надо забывать и о дате отзыва: характеристика дана в 1926 г., когда любой положительный отзыв о «попах» мог автоматически перевести эксперта в стан «врагов трудового народа». Любопытно, что, по воспоминаниям внука одного из семинаристов – В. В. Незнайко, его дед с некоторым пренебрежением отзывался о языковых способностях своих однокашников, особенно тех, кто содержался «не на казенный кошт», а на средства родителей опекунов (таких было 2–3 человека). Но сравним выпускные ведомости Исидора Незнайко, поначалу обучавшегося на средства опекуна Василия Ощепкова.

Для И. Незнайко, окончившему семинарию в 1912 г. и получившему в награду за успехи открытку с видом Православной миссии и фотокарточку арх. Сергия с дарственной надписью, из 19 сдаваемых предметов семь относились к японской филологии (хотя и остальные изучались и сдавались на японском языке): «Чтение японских газет», «Японская грамматика», «Японский эпистолярный стиль», «Китайская письменность», «Японская письменная работа», «Японская словесность» и «Японская хрестоматия». По всем этим предметам он получил оценки «Очень хорошо» и «Хорошо».

В. Ощепков сдавал в 1913 г. другие выпускные экзамены, но и в его программе было восемь предметов из области японской словесности: «Японская грамматика», «Японская хрестоматия», «Японское чистописание», «Японское сочинение», «Теория японской словесности», «Чтение японских писем», «Перевод японских газет» и «Китайская письменность». По трем из этих предметов Ощепков получил оценки «Отлично хорошо (5)», а по остальным «Очень хорошо (4)». В 1912 г. и 1913 г. экзамены принимал митрополит Сергей, о котором сам архиепископ Николай писал: «Экзаменует отлично – строже, чем я»²⁵. Так что в данном случае речь, скорее всего, может идти о каких-то личных отношениях, а не об объективной оценке владения языком, тем более, что нам неизвестно,

кого именно из «частников» имел в виду И. Незнайко. Например, с тем же Ощепковым у него сложились очень неплохие отношения. Судя по всему, оба они – и Ощепков и Незнайко были в числе отличников, а Ощепков (единственный из второго набора семинаристов) удостоился многократного упоминания Св. Николаем.

Помимо общеобразовательных программ и групп предметов, относящихся к Закону Божию, русские семинаристы занимались и специальной физической подготовкой в виде, предусмотренном в то время японским министерством просвещения, т. е. дзюдо. Любопытно в связи с этим упоминание об одном из случайных, казалось бы, визитов в семинарию: «Путешествующий Генерал-майор Генерального штаба Данилов был, с военным агентом Генерал-майором Самойловым. Хотели посмотреть школы наши; показал Женскую школу и Семинарию, в которой ученики показали ему борьбу “дзюдзюцу”; время было после классов: больше видеть было нечего»²⁶. Думается, высокопоставленному «путешественнику» было особенно интересно взглянуть на умение семинаристов бороться, а информацию об их успехах в японском он сполна получил у своего военного агента. Дело в том, что приезжий из Петербурга имел самое непосредственное отношение к обучению русских учеников: Ю. Н. Данилов, по прозвищу «Данилов-черный» (в одно время с ним в императорской армии были еще «Данилов-рыжий» и «Данилов-белый») был не просто генералом, а генерал-квартирмейстером Главного управления Генерального штаба, проще говоря, шефом русской военной разведки. И здесь уместно поднять другой важный вопрос – о связи Токийской православной семинарии и спецслужб Российской империи.

Архиепископ Николай никогда и нигде не упоминал о возможности использования русских выпускников семинарии для работы в разведке – переводы и только переводы. Очень похоже, что глава православной миссии, если и задумывался о такой перспективе, то гнал от себя эти мысли. Судьбы Легасова и Романовского в этом смысле могли его успокоить, хотя ни св. Николай, ни мы сегодня не можем с уверенностью говорить о том, что и кому переводили с японского языка первые семинаристы. Тем более что до 1905 г. вопросы военной разведки в регионе находились в ведении адмирала Е. И. Алексеева – того самого, который прислал их в Токио. Что же касается остальных, то Преосвященный не дожидаясь окончания ими семинарии, а зная о планах военного командования просто не мог. О том же, что такие прожекты существовали – обширные, детальные и исключительно амбициозные – свидетельствует историк военной разведки, скрывающийся под псевдонимом «Михаил Алексеев». В своей работе «Военная разведка России от Юрия до Николая II» (Кн. 2, М., 1998) он подробно рассказывает о

²³ Цит. по Хохлов А. Н. Роль Токийской православной семинарии в подготовке переводчиков-японистов. – Православие на Дальнем Востоке. Выпуск 2, СПб. 1996, с. 71.

²⁴ Там же, с. 64.

²⁵ Запись от 18 июня / 1 июля 1909 г. – Дневники Святого Николая Японского. Т.V. СПб, 2004, с. 539.

²⁶ Там же. Запись от 23 сентября – 6 октября 1910 г., с. 691–692.

плане создания «Восточной коммерческой школы», а на самом деле «школе разведчиков Приамурского военного округа», состоящей: «а) из детского сада, в котором воспитываются сироты-мальчики как китайские, так и русские от 5 до 10 лет; б) собственно училища, состоящего из 7 общих и 1 специального классов»²⁷. Проект этот был предложен специалистом по тайным операциям, участником Русско-японской войны, капитаном Генерального штаба И.В. Свирчевским, но в полной мере так никогда и не достиг стадии реализации, прежде всего, из-за сложности в исполнении и отсутствия должного финансирования. Тем не менее, усилия по хотя бы частичному претворению плана в жизнь военным командованием предпринимались, и в фокусе внимания разведчиков оказались возможности семинарии в Токио. В уже упоминавшихся архивных материалах разведки Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи С. И. Кузнецов обнаружил следующий документ: «Принимая во внимание острую нужду в русских людях, владеющих местными языками и, в особенности, японским, начальник Заамурского Округа (г. Харбин) по собственной инициативе, выслал в конце 1906 года 8 русских мальчиков в Токио в православную миссию. Плата за обучение этих мальчиков так баснословно дешева, что отказаться от этой командировки положительно было невозможно, тем более, что впредь таких выгодных условий не представится. Дешевизна объясняется тем особым усердием Архиепископа Японского высокопреосвященного Николая, прийти на помощь русским в деле ознакомления с Японией и японцами»²⁸. Этим же, в свою очередь, объясняется и удивительная настойчивость харбинского командования в попытках прислать в Токио все большее и большее число будущих шпионов, чему так противился глава миссии, раздраженный «плохим подбором учеников» и отсутствием возможности их размещения в семинарии.

Нет сомнений, что внимание русской разведки было сконцентрировано не на всех, а на некоторых подростках (специальный отбор предусматривал и план Свирчевского). Их дальнейшая история подтверждает это предположение. К сожалению, более или менее полные данные есть лишь по отдельным семинаристам, а из их числа выделяются, в свою очередь, двое наших знакомых: В. Ощепков и И. Незнайко. С них и начнем.

История жизни Василия Ощепкова еще ждет своего писателя и своего кинорежиссера²⁹. Незаконнорожденный сын сахалинских каторжан,

Ощепков рано лишился родителей и остался на иждивении опекуна, который и отправил мальчика учиться в Японию. Василий, судя по всему, чем-то приглянулся отцу Николаю, и неслучайно тот упомянул мальчика как примерный результат семинарского воспитания в одной из своих статей³⁰. Сирота, не уезжавший на каникулы, Ощепков даже стал первым русским гидом в Токио не из числа посольских: «...Внизу наткнулся на двух русских воспитанниц из Владивостока, просивших переводчика. Дал им Василия Ощепкова – в переводчики и провожаемые по Токио»³¹. Но основные таланты Ощепкова лежали в другой области. Все русские мальчики занимались в семинарии дзюдо, но только Василий удостоился чести быть принятым в 1911 г. в институт дзюдо Кодокан – alma mater этого вида спорта. В 1913 г. с промежутком в неделю он окончил и Кодокан, и семинарию, став первым русским (и четвертым европейцем), получившим начальную мастерскую степень в дзюдо – 1-й дан, и сотрудником «контрразведочного отделения» Отдельного корпуса пограничной стражи в Харбине. Об Ощепкове точно известно, что он служил в контрразведке до конца 1917 г. – сначала в Харбине, потом в штабе Владивостокской крепости. Тогда же, в 1917 г., Василий снова побывал в Японии и сдал экзамены на 2-й дан, а во Владивостоке провел первые в мировой истории международные соревнования по дзюдо. С 1915 г. Ощепков руководил первым в России клубом дзюдо (двумя десятилетиями ранее японскую борьбу преподавал у нас «разведчик-доброволец» – глава Кокурюкай Утида Рёхэй, однако никакого следа в истории спорта этот факт не оставил), и тогда же он инициировал первую волну публикаций о дзюдо в отечественной прессе. По неподтвержденным пока данным, в 1920 г., служа в японском Управлении военно-полевых сообщений во Владивостоке, Ощепков начал сотрудничать с большевистским подпольем, а с 1921 г. уже работал «секретным сотрудником» Красной армии на северном Сахалине. В 1924–1926 гг. Василий Сергеевич стал первым известным нам нелегальным резидентом советской военной разведки в Японии, а затем до 1929 г. служил переводчиком с японского языка в частях Разведупра, не прекращая в это время занятий и пропаганды дзюдо. С 1930 г. он полностью посвятил себя любимому виду спорта, перейдя на работу в институт физкультуры (ГЦОЛИФК), где добился включения дзюдо в программу в качестве отдельной дисциплины. Разрабатывал

³⁰ В конце 1908 г. в Токийской православной миссии разгорелся медиа-скандал. Журналистка М. Горячковская, сначала просившая у архиепископа денег взаймы, а затем и рекомендации Преосвященного к премьер-министру России, чтобы ее оставили работать в Токио, получила отказ. Обиженная, она написала и опубликовала в газете «Россия» клеветнический памфлет на миссию и на семинарию. Вынужденный опровергать публикацию, о. Николай написал статью, в которой вспомнил и о Василии Ощепкове, как о положительном примере обучения в семинарии. – Россия. 1908.31 декабря, №953.

³¹ Запись от 3/16 июля 1909. Пятница. – Дневники Святого Николая Японского, т. V, СПб, 2004, с. 544.

²⁷ Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М., кн.2, 1998, с. 210–212.

²⁸ <http://ru-jp.org/kuznetsov03.htm>

²⁹ Беллетризированный вариант биографии В. С. Ощепкова: Лукашев М. Н. Сотворение самбо: родиться в царской тюрьме, чтобы умереть в сталинской, М., 2003. Первая попытка дать ее научное описание: Куланов А. Е. Василий Ощепков: Путь из ниоткуда в никуда. – Япония наших дней 1 (7), 2011. ИДВ РАН, 2011. М.2011.

Ощепков и комплексы рукопашного боя и самозащиты для милиции и РККА, и соответствующий раздел для создаваемого тогда «Всесоюзного комплекса ГТО», открыл первую секцию дзюдо в Москве (его ученики сделали то же самое во многих городах СССР) и подготовил первый чемпионат Советского Союза, который тогда так и не состоялся. Переработав и приспособив технику дзюдо к советским реалиям, В. С. Ощепков стал одним из основных создателей новой борьбы – самбо. Впрочем, о ее официальном признании он не узнал. Арестованный по обвинению в шпионаже в пользу Японии, этот выдающийся выпускник Токийской православной семинарии умер от сердечного приступа в переполненной камере Бутырской тюрьмы 10 октября 1937 г.

Благодаря спортивной славе Ощепкова возник определенный интерес к другим семинаристам. В свою очередь, фамильной памяти внука одного из них – В. В. Незнайко, мы обязаны тем, что сегодня довольно много знаем о жизни его деда. Исидор Незнайко окончил семинарию на год раньше Ощепкова и отправился в Харбин вместе с Т. Попилевым, А. Волковым и В. Плешаковым, где проходил службу в штабе округа и в составе 563-й Саратовской пешей дружины – «с отличающей его старательностью, точностью и добросовестностью, проявляя во всех случаях (по отзывам японцев) прекрасное знание японского языка»³². В трудные времена бывший семинарист подрабатывал у известного харбинского торговца Чурина, но навсегда связал свою жизнь с японской словесностью. Это о нем писал упоминавшийся профессор Д. М. Позднеев, выполнявший в 1926 г. в Маньчжурии поручения уже не русской, а советской военной разведки: «В отношении японского языка дело поставлено еще слабее. На всю КВЖД имеется один работник Незнайко, который в постоянном разгоне и теперь давно уже отсутствует из переводческой комнаты, так как связан все время с Мукденскими конференциями»³³. Всю свою дальнейшую службу, а И. Я. Незнайко до 1954 г. прослужил на различных участках и ответвлениях китайских железных дорог, он возглавлял переводческие отделы, изумляя совершенством японского языка. Вот забавная и очень характерная вырезка из одной из харбинских газет (к сожалению, название и дата утеряны): «Исидор Яковлевич Незнайко – сплошное “неизвестно”. Его японская речь немедленно вызывает в представлении присутствующих пышные хризантемы и миндалевидные глазки прелестных гейш. Недаром, даже японцы, знакомясь с И. Я. на улице, в заключение беседы просят его снять шляпу, чтобы убедиться по цвету волос, что он не их соотечественник»³⁴. Разумеется, сам Исидор Яковлевич к японскому языку относился со всей серьезностью. Свидетельство тому –

выпущенный им в Шанхае в 1942 г. «Учебник практического ниппонского языка с приложением практических разговоров и словаря»³⁵. В конце жизни Незнайко вернулся на родину – в Советский Союз, где скончался в 1968 г., став одним из немногих японистов, которых не затронули репрессии.

К сожалению, этого нельзя сказать о других его однокашниках. Владимир Дмитриевич Плешаков, прибывший вместе с Незнайко в 1912 г. в Харбин, стал, как и Василий Ощепков, профессиональным разведчиком. Во всяком случае, в документах, опубликованных М. Алексеевым, встречается упоминание о Плешакове – в 1925 г. переводчике представительства «Центосоюза» в Хакодате, как о желательном канале связи резидента «Монаха» (Ощепкова) с Центром. Упоминает «Монах» и о какой-то сложной ситуации, которая сложилась у него в японской столице: «...если бы не “Митрич”, случайно оказавшийся в Токио, я провалился бы с головой»³⁶. Много позже, на допросах в НКВД в 1937 г. он подтвердил, что в чине подпоручика служил в разведке Колчака (хотя, возможно, это был самооговор), с 1923 по 1928 г. работал в Центросоюзе в Хакодате. В документах, опубликованных М. Алексеевым, также встречается упоминание о Плешакове – в 1925 г. переводчике представительства «Центросюза» в Хакодате – как о желательном канале связи резидента «Монаха» (Ощепков) с Центром. Упоминает «Монах» и о какой-то сложной ситуации, которая сложилась у него в японской столице: «...если бы не “Митрич”, случайно оказавшийся в Токио, я провалился бы с головой». Кстати говоря, имя и фамилия другого семинариста – Дмитрия Сазонова – так же известны нам лишь благодаря этим документам. Ощепков планировал выход на него, как на возможный источник информации о деятельности атамана Г. М. Семенова, у которого Сазонов работал личным секретарем. Пишет о Сазонове и Дани Савелли – исследователь творчества Бориса Пильняка, рассказывая о трудностях нахождения последнего в Японии: «Даже белогвардейцы, как, например, секретарь генерала Семенова Д. Сазонов, сетовали на слежку»³⁷.

Возвращаясь к В. Д. Плешакову, приходится констатировать, что в открытом доступе изложенная выше информация – это почти все, что

³⁵ В предисловии к учебнику, хранящемуся у внука И. Я. Незнайко, есть любопытный абзац: «При составлении настоящего учебника были использованы частично руководства по ниппонскому языку, выпущенные моим учителем и ректором Духовной Семинарии в Токио Иваном Акимовичем СЭНУМА, по которым я сам начал изучение ниппонского языка, за что считаю долгом выразить дорогому Ивану Акимовичу свою искреннюю благодарность и пользуясь этим случаем лишний раз свидетельствую ему свое уважение и благодарность за полученное воспитание и образование в Духовной Семинарии в Токио (1906–1912 г.г.)».

³⁶ Лукашев М. Н. Сотворение самбо: родиться в царской тюрьме, чтобы умереть в сталинской, М., 2003, с. 29.

³⁷ Дани Савелли. Борис Пильняк в Японии. М., 2004, с. 222.

³² Из архива семьи Незнайко.

³³ Усов В. Н. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М., 2002, с. 150.

³⁴ Из архива семьи Незнайко.

мы знаем о нем сегодня, если не считать следующей записи в мартиро-
логе жертв сталинских репрессий, опубликованном обществом «Мемо-
риал»: «Плешаков Владимир Дмитриевич родился в 1892 г., в Баку;
русский; образование среднее (духовная семинария); б/п; ГУГБ НКВД
СССР: переводчик японского языка 9-го (шифровального – А.К.) отде-
ла. Проживал: Московская обл., ст. Пушкино Ярославской ж. д., ул. 2-я
Домбровская, д. 2. Арестован 8 сентября 1937 г. Приговорен: Комисси-
ей НКВД СССР и прокурора СССР 10 октября 1937 г., обв.:
в принадлежности к шпионско-террористической организации и
контрреволюционной троцкистской пропаганде. Расстрелян 14 октября
1937 г. Место захоронения – Московская обл., Бутово. Реабилитирован
2 июля 1957 г.»³⁸. Однако, его следственное дело уже найдено, изуча-
ется, и есть надежда, что скоро мы сможем рассказать о судьбе этого
человека более подробно.

Похожая ситуация сложилась и с Гавриилом Журавлевым, приехав-
шим когда-то в семинарию с Сахалина. Есть непроверенная информация
о том, что он был связан с В. Ощепковым и родственными узами, но
единственные официальные данные, которыми мы сегодня располагаем,
это все та же справка «Мемориала»: «Журавлев Гавриил Николаевич,
р. 1894 в Александровске-Сах. Проживал п. Дуэ Сах.обл. Переводчик
рудника. Арестован 13.07.1931. Осужден 14.01.1932 ОС по ст. 58-6 УК
РСФСР к 3 ГЛС. Освобожден из-под стражи 15.10.1935. Реабилитиро-
ван 28.07.1989. Источник: Книга памяти Сахалинской области»³⁹.

Значительно больше мы знаем о близком друге Ощепкова – Трофи-
ме Юркевиче. С его отцом дружил политкаторжанин, бывший узник
Шлиссельбурга Иван Ювачев, писавший под псевдонимом «Миролю-
бов» и ставший крестным отцом Трофима (родной сын Ювачева вошел
в историю под псевдонимом «Даниил Хармс»). После окончания То-
кийской семинарии окончил Восточный институт во Владивостоке, по-
сле революции, по некоторым данным, служил у Колчака и в штабе
японских оккупационных сил во Владивостоке, где работал на красное
подполье (есть вполне правдоподобная версия, что это он привлек к
сотрудничеству Ощепкова) и в конце 1921 г. даже был арестован
контр-разведкой правительства Меркулова, став таким образом одним
из прообразов «советского Джеймса Бонда» – полковника Исаева из
книг Юлиана Семенова. В дальнейшем Юркевич продолжил сотрудни-
чество с разведкой и поддерживал тесную связь с В. Ощепковым, но
уже к середине 1920-х годов, видимо, полностью ушел в японоведение.
С 1921 по 1930 гг. он преподавал «Японский язык», «Экономическую
географию стран Дальнего Востока», «Основы перевода», «Военную
терминологию» и «Образцы дипломатической переписки» в ДВГУ, по-

сле чего переехал в столицу, где в качестве доцента продолжил работу
в Московском институте востоковедения и Коммунистическом универ-
ситете трудящихся Востока (КУТВ)⁴⁰. В 1938 г. Т. С. Юркевич стал
жертвой массовых репрессий против японоведов. 21 сентября 1937 г.
по делу о контрреволюционном заговоре в ДВГУ» был арестован кол-
лега Юркевича Н. П. Овидиев, который после пыток на допросе 1 фев-
раля 1938 г. «показал»: «Юркевич Трофим Степанович, бывший до-
цент ДВГУ, ярый японофил, знакомый мне с 1914 года, с малых лет
воспитывался в Японии в школе для бедных русских детей при духов-
ной миссии в Токио, в годы интервенции – офицер-колчаковец и пере-
водчик штаба и переводчик штаба японской армии в Приморье. Имеет
много знакомых ему японцев из числа работающих в СССР, среди них
есть его товарищи по учебе в Японии. Юркевич – старый японский
разведчик, связанный с разведотделом генштаба японской армии в го-
ды интервенции... В контрреволюционную организацию Юркевич
привлечен мною в 1933 году. Информированный в целях и задачах ор-
ганизации Юркевич охотно согласился вести подрывную работу. За-
нимался вербовкой новых членов в организацию»⁴¹. Понятно, что эти
показания мало что меняли в судьбе обреченного японоведа, но так
или иначе 22 марта Т. С. Юркевич был арестован и, в свою очередь,
вскоре дал признательные показания, заявив, что к работе на японскую
разведку его привлек Василий Ощепков. Старые друзья – Юркевич и
Ощепков общались в Москве, жили по соседству и конечно, Трофим
Степанович знал об аресте Василия Сергеевича. Вероятно, он догады-
вался и о его гибели. Обвиненный в шпионаже в пользу Японии, сам
Юркевич был расстрелян 10 июля 1938 г. на Бутовском полигоне под
Москвой. Судьба его брата остается неизвестной.

Дела Юркевича, Плешакова хранятся в ГА РФ и ждут своих иссле-
дователей⁴². Информация о судьбах других семинаристов хранится в
различных архивах от Санкт-Петербурга до Владивостока и Сахалина.
Что же касается семинаристов «третьей волны», то, строго говоря, во-
обще неизвестно учились ли русские в Токио после 1913 г. – мы этого
не знаем. Но это не значит, что этого не было.

⁴⁰ Хисамутдинов А. А. Российские толмачи и востоковеды на Дальнем Востоке. Влади-
восток, 2008, с. 265.

⁴¹ <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicn/acta/16/kihsamu/kinsamu-1/html>

⁴² Копия дела В. С. Ощепкова полностью исследована и хранится у автора статьи. В то же
время остается засекреченной большая часть дела Ощепкова в архиве ГРУ, где содержится
обширная информация о его жизни.

³⁸ <http://lists.memo.ru/d26/f352.htm>

³⁹ <http://lists.memo.ru/d12/f471.htm>